

УДК 159.923

DOI: 10.34670/AR.2025.68.42.007

**Психофизиологические и психометрические корреляты
стрессоустойчивости у лиц с акцентуациями по Леонгарду
и Личко в условиях острого и хронического стресса
в естественных и лабораторных ситуациях**

Романова Милана Замировна

Старший преподаватель,
Московский многопрофильный институт,
115432, Российская Федерация, Москва, ул. Трофимова, 36/2;
e-mail: il_grant@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются психофизиологические и психометрические корреляты стрессоустойчивости у лиц с акцентуациями характера в типологиях Леонгарда и Личко при воздействии острого и хронического стресса в лабораторных и естественных ситуациях. Показано, что стрессовая реакция не сводится к универсальному физиологическому паттерну, поскольку задается избирательной уязвимостью, соотносимой с «местом наименьшего сопротивления» конкретного типа акцентуации, а также смысловой нагрузкой переживаемого события. Обсуждается расхождение между объективными вегетативными маркерами (включая вариабельность сердечного ритма, кожно-гальваническую реакцию и гормональные индикаторы) и субъективным благополучием: внешняя нормативность показателей может сочетаться с внутренним истощением, тогда как выраженная физиологическая «цена» иногда выступает способом сохранения идентичности. На материале сравнительных типологических профилей описаны качественные различия темпорального переживания стресса и предпочитаемых стратегий совладания, от мобилизационной активности до избегания, интеллектуализации или конфронтации. Делается вывод о методологической необходимости объединять количественные измерения с интерпретацией мотивационно-ценностных структур личности, поскольку релевантность оценки стрессоустойчивости определяется конгруэнтностью между характерологической конституцией и модальностью стрессора, а не наличием «абсолютной» устойчивости.

Для цитирования в научных исследованиях

Романова М.З. Психофизиологические и психометрические корреляты стрессоустойчивости у лиц с акцентуациями по Леонгарду и Личко в условиях острого и хронического стресса в естественных и лабораторных ситуациях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 71-82. DOI: 10.34670/AR.2025.68.42.007

Ключевые слова

Стрессоустойчивость, акцентуации характера, психофизиологические маркеры, психометрические корреляты, копинг-стратегии, адаптация, стрессовая реакция.

Введение

Современная философско-социологическая и психофизиологическая парадигма рассмотрения человеческой личности неизбежно сталкивается с проблемой адаптации индивида к условиям неопределенности, которые в научной литературе принято обозначать категорией стресса, причем данный феномен уже давно вышел за пределы сугубо биологической трактовки, предложенной Гансом Селье, и приобрел статус экзистенциальной константы бытия современного человека [Мажирина и др., 2023]. Проблема стрессоустойчивости, рассматриваемая сквозь призму теории акцентуаций характера, разработанной в трудах Карла Леонгарда и дополненной в подростковой психиатрии Андреем Евгеньевичем Личко, представляет собой не просто вопрос клинической диагностики или физиологической реактивности, но фундаментальную проблему поиска границ между нормой и патологией, между индивидуальной уникальностью и социальной дезадаптацией, что требует привлечения широкого спектра гуманитарных концепций для глубокого осмысления. В условиях нарастающей социальной турбулентности, когда привычные онтологические опоры рушатся, именно акцентуации характера часто выступают теми "слабыми звеньями" или, напротив, точками опоры, которые определяют уникальный рисунок психофизиологического ответа на внешние раздражители [Фагамова и др., 2023]. Мы наблюдаем, как в структуре современной цивилизации стираются грани между естественными и искусственными стрессорами, превращая лабораторную ситуацию не в абстракцию, а в модель повседневного социального давления, что делает актуальным изучение коррелятов стрессоустойчивости именно у лиц с заостренными чертами характера, чье восприятие реальности априори искажено их внутренней конституцией [Загорская и др., 2024]. Важно понимать, что акцентуация не есть болезнь в строгом смысле слова, а скорее крайний вариант нормы, что ставит перед исследователем сложнейшую этическую и методологическую задачу: как измерить страдание и сопротивление ему, не сводя человека к набору нейрохимических реакций, но и не уходя в чистую метафизику, оторванную от телесности. Гуманитарный взгляд на эту проблему позволяет увидеть в психометрических показателях не сухие цифры, а отражение жизненных стратегий, выработанных личностью в борьбе за сохранение своей целостности перед лицом хаоса, будь то острый стресс внезапной угрозы или изматывающий хронический стресс повседневной рутины и социального отчуждения.

Понятие стрессоустойчивости в контексте акцентуированных личностей обретает особое звучание, если рассматривать его через категорию "жизнестойкости" или "resilience", однако даже эти термины не охватывают всей полноты феномена, поскольку игнорируют специфическую уязвимость, присущую каждому типу акцентуации [Моросанова, Зинченко, 2024]. Например, то, что является разрушительным стрессом для шизоида — необходимость интенсивного эмоционального контакта, — может восприниматься гипертимом как благоприятная среда, и наоборот, ситуация монотонного труда, убивающая гипертима, становится спасительной гаванью для педанта или психастеника, что подтверждает тезис об относительности любого стрессора и необходимости индивидуального подхода к анализу психофизиологических коррелятов. В этом свете лабораторные эксперименты и полевые наблюдения в естественных условиях должны рассматриваться не как взаимоисключающие методы, а как диалектическое единство, позволяющее выявить истинную природу адаптационного потенциала личности [Гоманова и др., 2023]. Психофизиологические маркеры, такие как вариабельность сердечного ритма или кожно-гальваническая реакция, в сочетании с

психометрическими шкалами, дают нам лишь "слепок" состояния, который нуждается в герменевтической интерпретации, способной связать телесные реакции с глубинными смысловыми структурами личности, описанными Леонгардом и Личко. Нельзя забывать и о социокультурном контексте: акцентуации характера формируются и проявляются в социуме, и стресс, испытываемый индивидом, всегда социально окрашен, будь то страх публичного позора у истероида или тревога перед нарушением порядка у эпилептоида [Саруханян, Вячистов, 2025]. Таким образом, исследование стрессоустойчивости акцентуантов становится полем встречи физиологии, психологии, социологии и философии, где каждый дисциплинарный язык вносит свой вклад в понимание того, как человек конструирует свою реальность и защищает ее от разрушения под давлением внешних обстоятельств, и именно этот интегративный подход мы попытаемся реализовать в настоящем анализе, избегая упрощенного редукционизма.

Материалы и методы исследования

Методологический базис данного исследования строится на принципах феноменологической редукции и системного анализа, что позволяет рассматривать акцентуацию характера не как статический набор черт, а как динамическую систему отношений личности с миром, которая претерпевает специфические деформации в условиях стрессогенного воздействия различной модальности и длительности [Пизова, Пизов, 2023]. В качестве основного инструментария концептуализации были выбраны типологии К. Леонгарда и А.Е. Личко, поскольку они представляют собой наиболее детально разработанные системы описания "крайних вариантов нормы", имеющие богатую традицию применения как в клинической, так и в социальной практике, позволяя фиксировать тонкие нюансы поведенческих и эмоциональных реакций, которые ускользают при использовании более грубых личностных опросников типа "Большой пятерки". Для обеспечения валидности философско-социологической интерпретации психофизиологических данных применялся метод сравнительного анализа гуманитарных концепций стресса, включающий экзистенциальную трактовку тревоги (П. Тиллих, Р. Мэй) и социологические теории аномии и отчуждения, что дало возможность интегрировать количественные показатели в качественную картину бытия акцентуированной личности [Петракова и др., 2024]. Специфика нашего подхода заключается в отказе от жесткого детерминизма: мы не утверждаем, что акцентуация однозначно предопределяет реакцию, но полагаем, что она задает "коридор возможностей", внутри которого разворачивается индивидуальная драма адаптации, и именно границы этого коридора мы пытаемся нащупать с помощью анализа литературы и теоретического моделирования ситуаций. Лабораторная ситуация в данном контексте рассматривается как модель "чистого" стресса, лишённого бытовых шумов, в то время как естественные условия представляют собой "грязную" реальность, насыщенную множественными переменными, и сопоставление этих двух модальностей позволяет выявить истинную устойчивость черт характера [Чижикова и др., 2025].

Эмпирический материал, лежащий в основе теоретических обобщений, включает в себя анализ широкого корпуса данных, полученных в ходе психометрических исследований с использованием Патохарактерологического диагностического опросника (ПДО) и опросника Шмишека, а также данных объективного мониторинга вегетативных реакций в стрессогенных условиях, однако фокус нашего внимания смещен с математической статистики на смысловую интерпретацию корреляций [Журавлева, Логинов, 2024]. Мы рассматриваем методы

исследования не как технические процедуры измерения, а как способы вопрошания бытия: когда мы фиксируем повышение уровня кортизола или изменение кожно-гальванической реакции у эпилептоида в ответ на нарушение алгоритма действий, мы спрашиваем не "сколько", а "почему" и "каков смысл" этой реакции для сохранения идентичности данного субъекта в конкретной социальной ситуации. Особое внимание уделялось различению острого и хронического стресса, поскольку с философской точки зрения они представляют собой принципиально разные темпоральные модусы существования: острый стресс — это событие, разрыв ткани времени, требующий немедленной мобилизации (Kairos), тогда как хронический стресс — это состояние, длительность, размывающая волю и истощающая ресурсы (Chronos) [Ельникова и др., 2024]. В исследовании использовался метод герменевтического круга для интерпретации связи между типом акцентуации и выбранной стратегией копинга, что позволило уйти от механистического понимания "стимул-реакция" к пониманию "вызов-ответ", где ответ всегда личностно окрашен и культурно обусловлен. Таким образом, материалы исследования представляют собой синтез клинических наблюдений, психометрических данных и философской рефлексии, объединенных целью создать целостный портрет акцентуированной личности в условиях жизненных испытаний, избегая при этом как излишней биологизации, так и умозрительной абстракции [Кондашевская и др., 2025].

Результаты и обсуждение

Проблема анализа психофизиологических и психометрических коррелятов стрессоустойчивости у лиц с различными акцентуациями характера неизбежно приводит нас к необходимости пересмотра самого понятия "адаптация" в контексте современной гуманитарной науки, где личность рассматривается не как пассивный объект воздействия среды, а как активный субъект, конструирующий свои отношения с миром через призму индивидуальных особенностей. Сложность заключается в том, что то, что психофизиология фиксирует как "срыв адаптации" (например, резкое повышение вегетативных показателей), в экзистенциальном плане может являться единственным возможным способом сохранения "Я" для данного типа личности, своего рода "ценой", которую платит, скажем, сенситив или психастеник за возможность оставаться собой в агрессивной среде. Мы сталкиваемся с парадоксом, когда высокая физиологическая цена адаптации (психофизиологический коррелят) сочетается с субъективным ощущением благополучия или, наоборот, при внешнем спокойствии и нормативных показателях происходит глубокое внутреннее выгорание, характерное для шизоидных или эпилептоидных типов в условиях хронического социального давления. Следовательно, анализ данных не может ограничиваться линейными корреляциями, а должен включать в себя понимание структурных различий в самой природе акцентуаций, как они были описаны классиками характерологии и как они преломляются в зеркале современных теорий стресса.

Особый интерес представляет сравнительный анализ того, как различные теоретические модели описывают ядро личности акцентуанта и его потенциальную уязвимость, поскольку именно здесь кроется ключ к пониманию различий в стрессоустойчивости. Если для биологически ориентированной науки стресс — это неспецифическая реакция организма, то для гуманитарного знания стресс всегда специфичен и нагружен смыслом, который различен для демонстративной личности, ищущей внимания, и для застревающей личности, ищущей справедливости. Психометрические показатели, полученные в ходе тестирования, являются

лишь верхушкой айсберга, под которой скрываются глубинные мотивационные конфликты и ценностные установки, определяющие, станет ли та или иная ситуация стрессогенной. В приведенной ниже таблице мы систематизируем основные концептуальные подходы к определению природы акцентуаций и их роли в формировании стрессового ответа, сопоставляя взгляды К. Леонгарда и А.Е. Личко с современными гуманитарными интерпретациями (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ концептуальных подходов к пониманию природы акцентуации характера и ее роли в генезе стрессовых реакций

Критерий сравнения	Концепция К. Леонгарда (Акцентуированные личности)	Концепция А.Е. Личко (Психопатии и акцентуации у подростков)	Современная гуманитарная интерпретация (Экзистенциально-социологический подход)
Определение феномена	Акцентуация как усиление черт, не выходящее за пределы нормы, но создающее предпосылки для избирательной уязвимости.	Акцентуация как крайний вариант нормы, при котором отдельные черты характера чрезмерно усилены, что приводит к избирательной уязвимости в отношении определенных психогенных воздействий.	Акцентуация как специфический способ бытия-в-мире, характеризующийся особым стилем фильтрации реальности и конструирования жизненного мира.
Локус уязвимости ("Место наименьшего сопротивления")	Фокус на сфере общения и деятельности взрослых людей; уязвимость проявляется в социальных и профессиональных конфликтах.	Фокус на подростковом возрасте; уязвимость жестко привязана к специфическим типам ситуаций ("Locus minoris resistentiae"), нейтральным для других типов.	Уязвимость рассматривается как онтологический разрыв между требованиями социума и внутренней структурой экзистенции индивида.
Характер стрессового ответа	Реакция определяется конституциональными особенностями темперамента и характера (застывание, демонстративность и т.д.).	Реакция детерминирована социальным контекстом подростковой среды и специфической пубертатного криза (реакции эмансипации, группирования).	Стрессовый ответ интерпретируется как попытка личности восстановить утраченный смысл и целостность нарратива своей жизни.
Отношение к норме и патологии	Четкое разграничение акцентуации и психопатии; акцентуация не перерастает в болезнь без дополнительных факторов.	Возможность трансформации акцентуации в психопатию под влиянием неблагоприятной среды или биологических факторов (динамика).	Отказ от дихотомии "норма-патология" в пользу концепции "нейроразнообразия" и спектра адаптационных стратегий.

Анализируя представленные в первой таблице концептуальные различия, необходимо отметить фундаментальное сходство в понимании избирательности уязвимости, которое является краеугольным камнем для интерпретации психофизиологических данных. Концепция "Locus minoris resistentiae" (места наименьшего сопротивления) у А.Е. Личко фактически переводит философскую проблему индивидуальной чувствительности на язык клинической психологии, утверждая, что стресс не является объективной характеристикой ситуации, а рождается в точке встречи специфического раздражителя и специфической "слабой струны" характера. Леонгард, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что акцентуация — это не только уязвимость, но и потенциальная сила, ресурс, который может быть мобилизован в стрессе, если вектор стрессора совпадает с вектором устремлений личности (например, гипертим в ситуации аврала). Современный гуманитарный подход обогащает эти классические взгляды, вводя категорию смысла: стресс разрушителен тогда, когда он бессмысленен для субъекта или разрушает его

ценностное ядро. Следовательно, высокие психометрические показатели тревожности или депрессии у акцентуанта в условиях стресса следует рассматривать не просто как симптомы дезадаптации, а как сигнал о том, что ситуация затронула витальные основания его существования.

Далее необходимо рассмотреть, как именно трансформируется восприятие времени и пространства у различных типов акцентуаций в зависимости от темпоральной характеристики стрессора — является ли он острым (внезапным) или хроническим (длительным). Феноменология времени в стрессе — это сложнейшая философская проблема, так как объективное время физического эксперимента не совпадает с субъективным временем переживания страдания. Для эпилептоида нарушение привычного ритма (острый стресс) может вызвать взрыв аффекта, сравнимый с катастрофой, тогда как для неустойчивого типа именно хроническая необходимость соблюдать ритм и правила становится невыносимой пыткой, ведущей к декомпенсации. В следующей таблице мы проведем сравнительную характеристику восприятия и переживания острого и хронического стресса основными типами акцентуаций, опираясь на качественный анализ поведенческих и эмоциональных паттернов (табл. 2).

Таблица 2 – Феноменология переживания острого и хронического стресса у различных типов акцентуаций характера

Тип акцентуации	Особенности переживания острого стресса (Ситуация "Удар")	Особенности переживания хронического стресса (Ситуация "Давление")	Гуманитарная интерпретация адаптационного механизма
Гипертимный	Мобилизация энергии, высокая активность, часто хаотичная; восприятие стресса как "вызова" и приключения; низкая тревожность, риск необдуманных действий.	Быстрое развитие скуки, раздражительности, чувства несвободы; плохая переносимость изоляции и монотонности; риск асоциального поведения как протеста.	Стремление к экспансии бытия; стресс преодолевается через деятельность и расширение контактов; непереносимость статики.
Застревающий (Паранойяльный)	Фиксация на источнике угрозы; аффективная ригидность; стремление к немедленному восстановлению "справедливости"; возможны агрессивные вспышки.	Формирование сверхценных идей обиды или преследования; накопление напряжения; систематическая борьба с мнимыми или реальными врагами; психосоматика.	Стремление к утверждению собственной правоты как основы бытия; мир воспринимается как поле битвы; неспособность к прощению и гибкости.
Педантичный (Психастенический)	Растерянность при нарушении планов; высокая тревога при неопределенности; "паралич воли" при необходимости быстрого выбора без подготовки.	Высокая устойчивость к рутине и требованиям аккуратности; стресс возникает при отсутствии четких инструкций и ответственности, превышающей полномочия.	Стремление к упорядочиванию хаоса; ритуализация жизни как защита от экзистенциальной тревоги; страх перед спонтанностью бытия.
Демонстративный (Истероидный)	Театральность реакций; бегство в болезнь; конверсионные симптомы; использование стресса для привлечения внимания и манипуляции окружением.	Потеря интереса к жизни при отсутствии внимания; "уход" в фантазии; депрессивные состояния при равнодушии окружения; поиск новых "сцен" для самовыражения.	Бытие как "бытие-для-другого"; реальность существует только в момент признания зрителем; страх перед анонимностью и обыденностью.

Анализ данных, представленных во второй таблице, позволяет сделать вывод о глубокой онтологической дифференциации стрессовых реакций, где каждый тип акцентуации

демонстрирует свою уникальную "философию выживания". Гипертимный тип, по сути, отрицает трагизм бытия, пытаясь переработать любой острый стресс в энергию действия, однако оказывается совершенно беспомощным перед лицом "пустого времени" хронической рутины, что в социологическом плане делает его уязвимым в бюрократических и строго регламентированных структурах. Напротив, педантичный тип находит в рутине спасение от хаоса, конструируя из правил и инструкций защитный кокон, но разрушается, когда жизнь требует импровизации и принятия решений в условиях неопределенности, что характерно для острого стресса. Застревающий тип превращает стресс в нарратив борьбы, где он — герой, сражающийся со злом, что при хроническом стрессе может вести к формированию патологического мировоззрения кверулянта. Демонстративный тип трансформирует реальность стресса в спектакль, подменяя подлинное переживание его внешним изображением, что является защитным механизмом от столкновения с внутренней пустотой. Эти различия подтверждают тезис о том, что психофизиологические корреляты (такие как уровень катехоламинов или кортизола) будут иметь разную динамику не только количественно, но и качественно: у гипертима подъем энергии — это радость борьбы, у застревающего — гнев, у педанта — страх ошибки.

Наконец, необходимо рассмотреть, как эти внутренние диспозиции реализуются во внешних стратегиях совладания (копинга) и как соотносятся естественные и лабораторные условия. Лабораторная ситуация для акцентуанта — это, прежде всего, ситуация оценивания, нахождения под взглядом "Другого" (экспериментатора), что само по себе является мощнейшим социальным стрессором, особенно для сенситивных и истероидных типов. В естественных условиях фактор наблюдения может быть размыт, но добавляются факторы реальной опасности и ответственности. Важно понять, какие именно механизмы защиты активируются у разных типов и насколько они эффективны с точки зрения сохранения психического гомеостаза. В третьей таблице мы проанализируем специфику защитных механизмов и стратегий совладания, рассматривая их как гуманитарные феномены саморегуляции (табл. 3).

Таблица 3- Сравнительная характеристика защитных механизмов и стратегий совладания (копинга) у акцентуированных личностей в условиях стресса

Тип акцентуации	Доминирующие психологические защиты	Предпочитаемые копинг-стратегии	Социокультурный смысл стратегии
Шизоидный	Интеллектуализация, изоляция аффекта, уход в фантазии (аутизация).	Дистанцирование, анализ проблемы без эмоциональной вовлеченности, избегание социальных контактов.	Сохранение автономии внутреннего мира путем обесценивания внешней реальности; стратегия "башни из слоновой кости".
Сенситивный	Вытеснение, реактивное образование, идентификация с агрессором (редко).	Поиск социальной поддержки, самообвинение, гиперкомпенсация через усердие и добросовестность.	Стремление к слиянию с группой ради безопасности; этическая регуляция поведения ("быть хорошим"), страх отвержения.
Эпилептоидный	Рационализация, смещение агрессии, проекция.	Прямая конфронтация, планирование решения проблем, разрядка через физическую активность или агрессию.	Утверждение власти и контроля над ситуацией; защита территории и иерархии; мир должен быть прогнут под "Я".

Тип акцентуации	Доминирующие психологические защиты	Предпочитаемые копинг-стратегии	Социокультурный смысл стратегии
Неустойчивый	Отрицание, регрессия, замещение.	Бегство от проблем, поиск удовольствий (гедонистический эскапизм), перекладывание ответственности.	Отказ от взрослости и ответственности; жизнь одним днем ("Carpe diem" в негативном аспекте); дрейф по течению обстоятельств.

Третья таблица наглядно демонстрирует, что копинг-стратегии акцентуированных личностей — это не просто набор бихевиоральных техник, а сложные экзистенциальные маневры, направленные на сохранение целостности "Я". Шизоидный уход в интеллектуализацию — это попытка превратить пугающий хаос эмоций в понятную структуру логоса, что позволяет сохранить рассудок, но ведет к социальному отчуждению. Сенситивный поиск поддержки обнажает глубокую зависимость личности от оценки окружающих, превращая стресс в этическую дилемму вины и стыда. Эпилептоидная агрессия и стремление к контролю — это архаичная форма защиты границ, где стресс воспринимается как вторжение, требующее жесткого отпора. Неустойчивый тип демонстрирует феномен "бегства от свободы", отказываясь от субъектности перед лицом трудностей. Таким образом, анализ таблиц показывает, что стрессоустойчивость не является универсальной величиной: шизоид устойчив к изоляции (хронический стресс), но уязвим к навязчивому общению (острый стресс); эпилептоид устойчив к жесткой дисциплине, но взрывается при хаосе; неустойчивый гибок в развлечениях, но ломается под гнетом обязательств.

Обобщая результаты, представленные в трех таблицах, можно констатировать, что акцентуация характера выступает как фундаментальный фильтр, трансформирующий объективную реальность стресса в субъективную реальность переживания. Мы видим, что понятия "норма" и "патология" в контексте стрессоустойчивости становятся крайне подвижными: то, что является дезадаптивным для одного типа (например, замкнутость шизоида), оказывается спасительным механизмом в специфических условиях (например, в условиях социальной изоляции или научной работы). Психофизиологические реакции, сопровождающие эти процессы, не могут быть поняты в отрыве от семантики характера: тахикардия истероида на публике и тахикардия сенситива в той же ситуации имеют совершенно разную феноменологическую природу — жажда признания против страха позора. Следовательно, любое исследование стрессоустойчивости, игнорирующее качественную специфику типа личности по Леонгарду и Личко, рискует скатиться в бессмысленный эмпиризм, упуская из виду человека как носителя уникального жизненного мира. Лабораторные и естественные ситуации лишь подсвечивают разные грани этой многомерной структуры, показывая, что абсолютной стрессоустойчивости не существует — существует лишь конгруэнтность между типом личности и характером вызова, который бросает ей бытие.

Заключение

Подводя итог проведенному теоретико-аналитическому исследованию психофизиологических и психометрических коррелятов стрессоустойчивости у лиц с акцентуациями характера, необходимо заключить, что рассматриваемая проблема выходит далеко за рамки классической психофизиологии и требует междисциплинарного синтеза с привлечением философских и социологических категорий. Мы установили, что

стрессоустойчивость акцентуированной личности не является линейной функцией от силы нервной системы или гормонального фона, а представляет собой сложный динамический паттерн, детерминированный смысловой структурой характера и спецификой "места наименьшего сопротивления". Каждый тип акцентуации — от гипертимного до шизоидного — обладает своим уникальным профилем уязвимости и резистентности, который проявляется по-разному в условиях острого и хронического стресса. То, что мы привыкли называть "дезадаптацией", при ближайшем рассмотрении часто оказывается специфическим способом адаптации, позволяющим личности сохранить свое онтологическое ядро ценой определенных психофизиологических затрат или социальных издержек. Лабораторные эксперименты и наблюдения в естественной среде дополняют друг друга, позволяя увидеть как "чистую" реактивность организма, так и сложные социальные стратегии совладания, опосредованные культурными нормами и личностными ценностями.

Главный вывод исследования заключается в утверждении принципиальной неустранимости фактора индивидуальности при оценке стрессоустойчивости. Попытки создать унифицированные стандарты стрессоустойчивости без учета характерологической конституции обречены на провал, так как они игнорируют качественное разнообразие человеческой природы. Эффективная профилактика и коррекция стрессовых расстройств должна строиться не на тренинге абстрактной "стойкости", а на глубоком понимании сильных и слабых сторон конкретного типа акцентуации, помогая человеку найти ту экологическую нишу, где его особенности станут не проклятием, а преимуществом. Таким образом, акцентуация характера предстает перед нами не как дефект, а как экзистенциальный вызов, требующий от личности и общества постоянной работы по гармонизации отношений в условиях неизбежной стрессогенности современного мира. Гуманитарный взгляд на эту проблему позволяет вернуть в психологию и физиологию измерение человеческого достоинства, рассматривая борьбу со стрессом как акт творчества и самосозидания.

Библиография

1. Гоманова Л.И., Баланова Ю.А., Куценко В.А., Евстифеева С.Е., Имаева А.Э., Капустина А.В., Котова М.Б., Максимов С.А., Муромцева Г.А., Ивлёв О.Е., Свинин Г.Е., Шальнова С.А. Вклад психоэмоционального стресса в общую и сердечно-сосудистую смертность в российской популяции // Кардиологический вестник. 2023. Т. 18. № 2-2. С. 167.
2. Ельникова О.Е., Комлик Л.Ю., Фаустова И.В. Стрессоустойчивость как показатель психологической готовности к профессиональной деятельности современной молодежи // Перспективы науки и образования. 2024. № 4 (70). С. 496–511.
3. Журавлева Т.В., Логинов В.И. Психологические особенности адаптации организма здорового человека к моделируемым факторам космического полета в эксперименте с 21-суточной «сухой» иммерсией // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2024. Т. 58. № 1. С. 62–67.
4. Загорская Н.Н., Щеглова А.В., Сумин А.Н., Прокашко И.Ю. Психофизиологическая стресс-реактивность организма в ответ на тест с когнитивной нагрузкой у молодых здоровых лиц: гендерные различия // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. 2024. Т. 13. № S4. С. 116–125.
5. Кондашевская М.В., Алексанкина В.В., Артемьева К.А. Половые различия паттернов поведения и гормонального баланса в норме и при мягком стрессе у инбредных крыс Вистар // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2025. Т. 179. № 4. С. 516–522.
6. Лысенко Н.Е., Булыгина В.Г., Рашевская О.Ю., Пеева О.Д., Исангалиева И.М. Психофизиологические профили адаптации в условиях моделирования стресса у специалистов опасных профессий // Российский психиатрический журнал. 2024. № 2. С. 79–87.
7. Мажирина К.Г., Даниленко Е.Н., Джафарова О.А., Назаров К.С., Митин И.Н. Психофизиологические механизмы реагирования на стресс как ресурс спортивной успешности // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23. № 1. С. 165–172.

8. Моросанова В.И., Зинченко Ю.П. Краткий опросник острого и хронического стресса: разработка и валидизация // Сибирский психологический журнал. 2024. № 94. С. 6–22.
9. Осколкова А.И., Паршина С.С., Каргина Н.А., Полиданов М.А., Кондрашкин И.Е., Афанасьева Т.Н., Оленко Е.С., Белоусова К.О. Биотропные эффекты геомагнитной возмущенности в средних широтах: психологические аспекты проблемы // Пермский медицинский журнал. 2023. Т. 40. № 3. С. 20–27.
10. Петракова А.В., Яковлева М.А., Лыкова Т.А. Поведение актеров в стрессовых ситуациях: опыт психологического исследования // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 4. С. 189–200.
11. Пизова Н.В., Пизов А.В. Острые стресс-индуцированные состояния в общей практике // Медицинский совет. 2023. Т. 17. № 21. С. 89–94.
12. Саруханян Е.О., Вячистов В.М. Влияние внедрения информационных технологий в вузах на психологическое благополучие преподавателей высшей школы // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 9-2. С. 78–87.
13. Фагамова А.З., Каримова Л.К., Капцов В.А., Гимаева З.Ф., Мулдашева Н.А., Шаповал И.В. Стресс на рабочем месте как триггер психических расстройств и соматических заболеваний (обзор литературы) // Гигиена и санитария. 2023. Т. 102. № 5. С. 466–473.
14. Чижилова А.А., Гимбелевская А.П., Бакоев С.Ю., Кескинов А.А. Исследование связи индивидуальных характеристик биоэлектрической активности головного мозга с уровнями стресса, нервно-психического напряжения, агрессии, тревожности и депрессии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2025. Т. 125. № 5. С. 108–117.
15. Ясько Б.А., Скрипниченко Л.С., Стриханов С.Н., Тедорадзе Д.Д. Личностные предикторы стрессоустойчивости медицинских работников // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 2. С. 169–184.

Psychophysiological and Psychometric Correlates of Stress Resistance in Individuals with Accentuations According to Leongard and Lichko Under Conditions of Acute and Chronic Stress in Natural and Laboratory Situations

Milana Z. Romanova

Senior Lecturer,
Moscow Multidisciplinary Institute,
115432, 36/2, Trofimova str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Abstract

The article examines psychophysiological and psychometric correlates of stress resistance in individuals with character accentuations in the typologies of Leongard and Lichko under the influence of acute and chronic stress in laboratory and natural situations. It is shown that the stress response cannot be reduced to a universal physiological pattern, as it is determined by selective vulnerability correlating with the "point of least resistance" of a specific accentuation type, as well as the semantic load of the experienced event. The discrepancy between objective autonomic markers (including heart rate variability, skin-galvanic response, and hormonal indicators) and subjective well-being is discussed: external normative indicators may combine with internal depletion, while a pronounced physiological "cost" sometimes serves as a means of preserving identity. Based on comparative typological profiles, qualitative differences in the temporal experience of stress and preferred coping strategies, ranging from mobilizing activity to avoidance, intellectualization, or confrontation, are described. It is concluded that there is a methodological necessity to combine quantitative measurements with the interpretation of the motivational-value

Romanova M.Z.

structures of the personality, since the relevance of assessing stress resistance is determined by the congruence between characterological constitution and the modality of the stressor, rather than the presence of "absolute" resilience.

For citation

Romanova M.Z. (2025) Psikhofiziologicheskiye i psikhometricheskiye korrelyaty stressoustoychivosti u lits s aktsentuatsiyami po Leonhardu i Lichko v usloviyakh ostrogo i khronicheskogo stressa v yestestvennykh i laboratornykh situatsiyakh [Psychophysiological and Psychometric Correlates of Stress Resistance in Individuals with Accentuations According to Leongard and Lichko Under Conditions of Acute and Chronic Stress in Natural and Laboratory Situations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (11A), pp. 71-82. DOI: 10.34670/AR.2025.68.42.007

Keywords

Stress resistance, character accentuations, psychophysiological markers, psychometric correlates, coping strategies, adaptation, stress response.

References

1. Chizhikova, A. A., Gimbelevskaya, A. P., Bakoev, S. Yu., & Keskinov, A. A. (2025) Issledovanie svyazi individual'nykh kharakteristik bioelektricheskoi aktivnosti golovnogogo mozga s urovnymi stressa, nervno-psikhicheskogo napryazheniya, agressii, trevozhnosti i depressii [Study of the relationship between individual characteristics of bioelectrical brain activity and levels of stress, neuropsychic tension, aggression, anxiety, and depression]. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 125(5), 108–117.
2. Elnikova, O. E., Komlik, L. Yu., & Faustova, I. V. (2024). Stressoustoychivost' kak pokazatel' psikhologicheskoi gotovnosti k professional'noi deyatel'nosti sovremennoi molodezhi [Stress resistance as an indicator of psychological readiness for professional activity of modern youth]. *Prospects of Science and Education*, 4(70), 496–511.
3. Fagamova, A. Z., Karimova, L. K., Kaptsov, V. A., Gimaeva, Z. F., Muldasheva, N. A., & Shapoval, I. V. (2023). Stress na rabochemeste kak trigger psikhicheskikh rasstroistv i somaticheskikh zabolevani (obzor literatury) [Workplace stress as a trigger of mental disorders and somatic diseases (literature review)]. *Hygiene and Sanitation*, 102(5), 466–473.
4. Gomanova, L. I., Balanova, Yu. A., Kutsenko, V. A., Evstifeeva, S. E., Imaeva, A. E., Kapustina, A. V., Kotova, M. B., Maksimov, S. A., Muromtseva, G. A., Ivlev, O. E., Svinin, G. E., & Shalnova, S. A. (2023). Vklad psikhoemotsional'nogo stressa v obshchuyu i serdechno-sosudistuyu smertnost' v rossiiskoi populyatsii [Contribution of psychoemotional stress to overall and cardiovascular mortality in the Russian population]. *Cardiology Bulletin*, 18(2-2), 167.
5. Kondashevskaya, M. V., Aleksankina, V. V., & Artemyeva, K. A. (2025) Polovye razlichiya patternov povedeniya i gormonal'nogo balansa v norme i pri myagkom stresse u inbrednykh krys Vistar [Sex differences in behavioral patterns and hormonal balance under normal conditions and mild stress in inbred Wistar rats]. *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*, 179(4), 516–522.
6. Lysenko, N. E., Bulygina, V. G., Rashevskaya, O. Yu., Peeva, O. D., & Isangalieva, I. M. (2024). Psikhofiziologicheskie profili adaptatsii v usloviyakh modelirovaniya stressa u spetsialistov opasnykh professii [Psychophysiological adaptation profiles under simulated stress conditions in specialists of hazardous professions]. *Russian Psychiatric Journal*, (2), 79–87.
7. Mazhirina, K. G., Danilenko, E. N., Jafarova, O. A., Nazarov, K. S., & Mitin, I. N. (2023). Psikhofiziologicheskie mekhanizmy reagirovaniya na stress kak resurs sportivnoi uspekhnosti [Psychophysiological mechanisms of stress response as a resource for sports performance]. *Human. Sport. Medicine*, 23(1), 165–172.
8. Morosanova, V. I., & Zinchenko, Yu. P. (2024). Kratkii oprosnik ostrogo i khronicheskogo stressa: razrabotka i validizatsiya [Brief questionnaire of acute and chronic stress: development and validation]. *Siberian Psychological Journal*, (94), 6–22.
9. Oskolkova, A. I., Parshina, S. S., Kargina, N. A., Polidanov, M. A., Kondrashkin, I. E., Afanasyeva, T. N., Olenko, E. S., & Belousova, K. O. (2023). Biotropnye efekty geomagnitnoi vozmushennosti v srednikh shirotakh: psikhologicheskie aspekty problemy [Biotropic effects of geomagnetic disturbances in mid-latitudes: psychological aspects of the problem]. *Perm Medical Journal*, 40(3), 20–27.

10. Petrakova, A. V., Yakovleva, M. A., & Lykova, T. A. (2024). Povedenie aktorov v stressovykh situatsiyakh: opyt psikhologicheskogo issledovaniya [Actors' behavior in stressful situations: experience of a psychological study]. *National Psychological Journal*, 19(4), 189–200.
11. Pizova, N. V., & Pizov, A. V. (2023). Ostrye stress-indutsirovannye sostoyaniya v obshchei praktike [Acute stress-induced conditions in general practice]. *Medical Council*, 17(21), 89–94.
12. Sarukhanyan, E. O., & Vyachistov, V. M. (2025). Vliyanie vnedreniya informatsionnykh tekhnologii v vuzakh na psikhologicheskoe blagopoluchie prepodavatelei vyssheishkoly [Impact of information technology implementation in universities on the psychological well-being of higher education teachers]. *Education Management: Theory and Practice*, 9-2, 78–87.
13. Yasko, B. A., Skripnichenko, L. S., Strikhanov, S. N., & Tedoradze, D. D. (2023). Lichnostnye prediktory stressoustoychivosti meditsinskikh rabotnikov [Personality predictors of stress resistance in medical workers]. *Russian Psychological Journal*, 20(2), 169–184.
14. Zagorskaya, N. N., Shcheglova, A. V., Sumin, A. N., & Prokashko, I. Yu. (2024). Psikhofiziologicheskaya stress-reaktivnost' organizma v otvet na test s kognitivnoi nagruzkoi u molodykh zdorovykh lits: gendernye razlichiya [Psychophysiological stress reactivity of the body in response to a cognitive load test in young healthy individuals: gender differences]. *Complex Issues of Cardiovascular Diseases*, 13(S4), 116–125.
15. Zhuravleva, T. V., & Loginov, V. I. (2024). Psikhologicheskie osobennosti adaptatsii organizma zdorovogo cheloveka k modeliruemykh faktoram kosmicheskogo poleta v eksperimente s 21-sutochnoi «sukhoi» immersiei [Psychological features of adaptation of a healthy human body to simulated space flight factors in an experiment with 21-day "dry" immersion]. *Aerospace and Environmental Medicine*, 58(1), 62–67.